
детектив - событие

Читайте романы Валерии Леман:

Сны мертвой девушки из Версуа

Завещание ведьмы

Восьмерка, которая не умела любить

Душитель со 120 страницы

Вечное таинство – смерть

Богиня кофейного рая

Шекспир должен умереть

Смертный грех Семирамиды

Проклятие Стравинского

Валерия Лемаф

ПРОКЛЯТИЕ СТРАВИНСКОГО

Москва
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л44

Оформление серии *С. Груздева*

Леман, Валерия.

Л44 Проклятие Стравинского : [роман] / Валерия Леман. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 320 с. — (Детектив-событие).

ISBN 978-5-699-83809-7

За любимой женщиной можно отправиться и на край света! Ну а тем более в славный городок Монтре на фестиваль «Богема», собрав едва ли не всю богему мира – и Сою Дижон в том числе. Рядом с ней – ее верный и преданный Ален Муар-Петрухин...

Монтре — столица швейцарской Ривьеры, городок улыбок и благополучия, где, кажется, каждый второй перманентно счастлив. Даже трупы танцоров балета, что становятся завершением едва ли не каждого дня фестиваля, отмечены блаженной улыбкой черных губ — улыбкой смерти...

Именно в Монтре Стравинский создавал свою «Весну священную». Алекс Мону блестяще исполнил отрывок из нее; еще не смолкло эхо аплодисментов, а танцор был мертв...

Три смерти, одинаково отмеченные черными улыбками смерти, — кто их автор? Кто в счастливейшем Монтре убивает молодых удачливых танцоров с местным «акцентом» — оставляя счастливую улыбку на лице? Все вопросы найдут свои ответы под занавес «Богемы»...

УДК 821.161.1–312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6–44

ISBN 978–5–699–83809–7

© Леман В., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э»,
2015

Глава 1

ПРОГУЛКИ ПОД ЛУНОЙ

*Монтре! Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось,
Как много в нем отозвалось!..*

Оговорюсь сразу: данная, весьма вольная интерпретация классических строк Пушкина принадлежит не мне — лучшей девушке на свете, любви всей моей молодой жизни Соне Дижон. В эту волшебную апрельскую ночь мы с ней, нежно обнявшись, неторопливо брели по аллее набережной славного швейцарского городка Монтре; Соня проводила для меня увлекательную экскурсию по местным многочисленным достопримечательностям, а я периодически оплачивал информацию благодарными поцелуйчиками.

— И, между прочим, ничего плохого в замене Москвы на Монтре нет, потому как городок Монтре связан со многими славными именами русской культуры. К примеру, твой обожаемый Набоков именно здесь наслаждался дивным бытием последние шестнадцать лет своей жизни — просто гулял, ловил бабочек, пил кофе и любовался окрестностями с балкона своего роскошного suit-номера отеля Montreux

Валерия Леман

Palace, — говорила Соня, кивая в сторону возвышавшегося по левую сторону от нас внушительного здания, светящегося огнями. — Согласись: Набокова легко понять! Сама атмосфера этого городка словно дышит счастьем. Здесь нет обворожительных красот и зданий потрясающей архитектуры, все просто по-европейски, вполне прилично, но...

Тут Соня остановилась, вдохновенно развернувшись ко мне, улыбаясь таинственно и сладко — тонкий овал лица, черное каре волос, синие удлинненные глаза... С серебристой подсветкой луны все это смотрелось особенно эффектно.

— Ты знаешь, мне не раз приходилось участвовать в бесконечных швейцарских спорах о Монтре. Швейцарцы — на редкость милые люди, все у них благополучно и размеренно с самых пеленок, потому они без особого напряжения улыбаются всем встречным, сердечно желая благополучия. И все-таки даже эти, с рождения счастливые, люди в Монтре ощущают непривычную приподнятость и радость, желание смеяться и обнимать весь мир. Отчего так? Что такого в этих простых переулках и аллеях, что, едва оказавшись здесь, даже самый бедный парень с пустыми карманами вдруг начинает улыбаться счастливой улыбкой?

Скрестив руки на груди, Соня выжидательно смотрела на меня, словно только я, ее преданный поклон-

ник Ален Муар-Петрухин, москвич-полукровка с французом папой и русской мамой, могу точно и ясно дать достойный ответ на столь заковыристый вопрос. Мелочь, а приятно.

Я широко, по-монтревски радостно, улыбнулся и энергично помотал головой из стороны в сторону.

— Понятия не имею — почему! Но почему-то мне кажется, ты, великая художница современности, все сама прекрасно знаешь. Открой мне тайну счастья под названием «Монтре»!

Соня улыбнулась, важно кивнула и, вновь подхватив меня под руку, продолжила наше движение по набережной.

— Я думаю, все просто. Пару веков назад сюда, в тихое и благословенное место, далекое от бурной цивилизации Европы, стали приезжать состоятельные люди. Они покупали здесь симпатичные домики и чудесно проводили свободное время с родными и близкими в мирном отдыхе и лечении дарами — свежим воздухом, густым молоком и покоем. Постепенно к Монтре пришла слава райского уголка, и городок стал расцветать, сохраняя при этом свою чистоту и привлекательность.

И вот представь: если на протяжении двух веков в небольшом по площади местечке девяносто девять, а то и все сто процентов населения — благополучные, счастливые люди, не знающие особых проблем, начи-

Валерия Леман

нающие свой день с улыбки и засыпающие с миром в душе, то это непременно скажется на общей атмосфере городка! Улыбаясь улыбкой счастливого человека, каждый житель Монтре отправляет в атмосферу свой флюид счастья, который, соединяясь с миллионами других, таких же светлых и чудесных флюидов, создает над городком чудесный зонтик — сделав только первый шаг и попав под него, каждый новичок первым делом улыбнется. И внезапно поймет, что жизнь прекрасна и удивительна. Разве не так?

— Именно так! — согласно кивнул я, с наслаждением вдыхая аромат цветущей магнолии, которая за ограждением очередного отеля бесшумно роняла в траву роскошные бутоны цветов, рассыпающиеся белоснежными лепестками. — Монтре — город счастья. Наверное, поэтому именно здесь столько дорогущих клиник, в которых исцеляются едва ли не все болезни.

— И именно здесь жил последние годы смертельно больной Фредди Меркьюри, — подхватила Соня, — и еще сотни никому не известных людей... И, между прочим, однажды сюда прибыл Петр Ильич Чайковский. Великий композитор находился в ужасной депрессии, которая немедленно прошла после первой же ночи в местном отеле. Уже на следующий день улыбающийся Петр Ильич катался в лодке со своим сердечным дру-

гом, а в его голове (или в сердце?) рождались первые ноты знаменитого концерта для скрипки с оркестром.

Последняя фраза вернула меня к сегодняшнему вечеру. Дело в том, что два дня назад мы с Соней прибыли в Швейцарию, в солнечный Монтре, по серьезному поводу: здесь открывался первый фестиваль искусств под названием «Богема». Соня везла с собой целый вагон своих гениальных полотен, как участница конкурса художников, а я находился при ней в качестве почетного сопровождения.

И вот сегодня вечером, шестнадцатого апреля, на набережной состоялось поистине грандиозное открытие фестиваля при участии оркестров, юных звезд оперы и балета. Собственно, это шоу все еще продолжалось, и над набережной чудесным фоном нашей прогулки звучала вечная классика; мы же с Соней, не дожидаясь окончания действия, решили немного пройтись для успокоения бурных эмоций перед сном. Между тем нам было от чего разволноваться.

Представьте себе сцену под открытым небом, эффектные фейерверки и волшебную музыку; самым же потрясающим для нас с Соней было то, что гвоздем программы стал наш соотечественник — двадцатидвухлетний танцор частной балетной труппы Санкт-Петербурга Савелий Уткин, исполнивший сольную партию из балета Чайковского «Щелкунчик».

Валерия Леман

— Кстати, о Чайковском, — быть может, не слишком к месту вставился я. — На что я никогда не был большим любителем балета, но выступление нашего Савелия было потрясающим. Какие он кренделя выделывал на сцене! У меня создалось полное впечатление, что парень попросту летает, лишь изредка отталкиваясь ножками от грешной земли. Да, Сонюшка, не разглядели мы талант! Как ты думаешь, неужели он действительно ночует где-нибудь на скамейке набережной?

Произнеся последнюю фразу, я невольно огляделся. Вдоль набережной под шелестящими пальмами, платанами, магнолиями и прочими экзотическими и средне-статистическими европейскими деревьями красовались удобные скамейки шоколадного цвета. Воздух был пряный и по-весеннему теплый, так что на любой из этих скамеек, подстелив какой-нибудь свитерок или курточку, вполне можно было переночевать без особых проблем. Примерно это я, поспешив успокоить свою больную совесть, и сообщил Соне.

В ответ моя подруга презрительно фыркнула.

— В таком случае, предлагаю нам с тобой здесь и переночевать!

Она тяжело вздохнула и укоризненно покачала головой, как какая-нибудь мудрая старушка.

— Стыдно, мой милый! Парень просил о помощи своих вполне благополучных земляков, а мы послали его

куда подальше. Между тем наш случайный попутчик оказался талантищем.

В принципе Соня была абсолютно права. Савелий Уткин действительно оказался нашим случайным попутчиком. Мы познакомились на перроне Женевского вокзала: услышав русскую речь, парень вцепился в нас мертвой хваткой; в итоге мы отправились в Мontre вместе, поездом Женева — Вильнев, и весь час с лишним пути явно «голубенький» Савелий с вдохновенно взъерошенными космами пел нам унылую песнь о своей несчастной бедности.

По его словам, он без проблем прошел строгий отбор на участие в фестивале, столкнувшись лишь с одной-единственной трудностью — отсутствием денег. Труппа петербургского театра, в которой он честно трудился, с большим трудом наскребла средства на дорогу в оба конца, а вот внести взнос с тем, чтобы фестиваль обеспечил участника местом в отеле с классическим завтраком, входившим в общую стоимость, не удалось. Как сообщил с плаксивыми интонациями Савелий, деньги попросту зажал жутко завидовавший ему «прима» труппы, который сам продал бы душу дьяволу, чтобы только стать участником «Богемы».

Почуяв в нас благополучных и сытых россиян, парень принялся ныть, взывая о помощи. Но единственное, чем лично я мог ему помочь — это отсыпать горсть

Валерия Леман

швейцарской мелочи на кофе с круассанами. Дело в том, что и нам с Соней швейцарские отели не слишком по карману, а потому было заранее обговорено, что мы остановимся в доме троюродной сестры покойного отца-швейцарца Сони — Мари Венсе. Сами понимаете, тащить с собой в европейский дом еще одного постояльца с явными признаками гомосексуалиста — не слишком хороший тон.

Выслушав наши объяснения, Савелий тяжело вздохнул и произнес трагическим тоном, что один из его питерских коллег, бывавший сто лет назад в Мontre, дал добрый совет: ночевать на скамейках набережной. Как говорится, тепло, светло и мухи не кусают. Мы с Соней, утомленные двухчасовым гнусавым соло несчастного соотечественника, обеими руками подтвердили данную информацию, а на вокзале Мontre поспешили исчезнуть из его поля зрения.

И вот теперь на торжестве открытия парень неожиданно предстал пред нами совершенно в другом ракурсе, мгновенно вызвав вспышку раскаяния. Хотя как лично я мог бы ему помочь? Оплатить отель, в котором радовался жизни великий Набоков?..

— ...надеюсь, у организаторов этого фестиваля хватило совести не оставлять парня под открытым небом!..

Между тем Соня, крепко уцепившись за мой локоток, продолжала свой покаянный монолог.

— Клянусь, сейчас я бы рискнула переговорить с Мари насчет еще одного иждивенца. Тем более, полагаю, душа Паскаль нас поддержал бы.

Вот тут я на месте Сони всерьез засомневался бы! Очень милый и симпатичный сын Мари Венсе, великий специалист по компьютерам Паскаль, при всем своем благодущии и миролюбии на дух не переносил голубеньких ребят — это даже я за неполные два дня знакомства успел понять по его отдельным комментариям в адрес памятника Фредди Меркьюри на набережной Монтре. Я уже хотел было возразить подруге по этому поводу, как внезапно перед нами открылась жутковатая до нереальности картинка, в одно мгновение заставив резко умолкнуть обоих.

Представьте себе: ночь в лиловых красках и оттенках, усыпляющий шелест деревьев, фонарь на тонкой ножке, на пару с гигантской луной льющий свой мягкий свет на скамейку с застывшим в грациозной позе Щелкунчиком на ней — в красном мундире и треуголке, с деревянным щелкунчиком в тонких пальцах рук и блаженной улыбкой словно нарисованных черным фломастером губ...

Существенное дополнение: парень в костюме Щелкунчика был нашим знакомцем Савелием Уткиным, и, судя по остекленевшему взгляду глядящих в черную вечность глаз, он был давно и безнадежно мертв.

Валерия Леман

Глава 2

ДОПРОС ПО-ШВЕЙЦАРСКИ

Когда дело касается убийства и за работу берется полиция, все проходит примерно по единой схеме во всех странах мира, включая благостную Швейцарию: допрос с протоколом, нудные вопросы следователя и суровое подозрение в каждом взгляде, брошенном полицейскими на тебя — ушлого туриста, умудрившегося отыскать на мирной скамейке мирной аллеи жуткий труп.

Конечно, у швейцарской полиции есть своя особенность, немедленно проявившаяся, как только нас с Соной усадили в кабинете комиссара, представленного нам, как мсье Луи Криссуа.

— Не желаете кофе?

Это был первый вопрос рядового полицейского, после которого без малейшей паузы и ожидания ответа перед нами на столе нарисовались две симпатичные чашечки капучино с воздушной пенкой. Мы благодарно кивнули и немедленно отпили по благодатному глотку — право дело, после всех переживаний и хождения вокруг трупа на скамейке в ожидании прибытия полицейской машины это были поистине живительные глотки!

Почти тут же в кабинет вошел и, приветственно кив-

нув нам, уселся напротив бритый наголо господин в светлом костюме.

— Позвольте представиться: я — комиссар Криссуа, буду вести это дело, — произнес он, строго сведя темные брови к переносице. — А вы, — тут он взял листок бумаги, положенный полицейским перед ним, — а вы — это мсье Ален Муар-Петрухин и мадам Соня Дижон, русские туристы...

Прочитав бумагу до конца и отбросив ее на стол, комиссар несколько озадаченно посмотрел на нас. Соня, привыкшая к подобным ситуациям, пихнула меня в бок, и я довольно бойко пояснил:

— Да, мсье комиссар, мы с мадам Дижон оба проживаем в России, но отец Сони был гражданином Швейцарии, а мой и ныне проживает в городе Париже, от них — наши не совсем русские фамилии и хорошее знание французского языка. Задавайте свои вопросы, а мы постараемся на них ответить. И, если не сложно — можно еще по чашечке кофе?..

Стоит оговориться, что за свою недолгую жизнь я не раз становился участником расследования преступлений, а потому был довольно хорошо знаком с общей процедурой утомительных допросов. Но это швейцарское дело, которое началось с жутковатой «находки» на набережной Монтре, с самого начала отличалось от других щедрым кофейным ароматом.